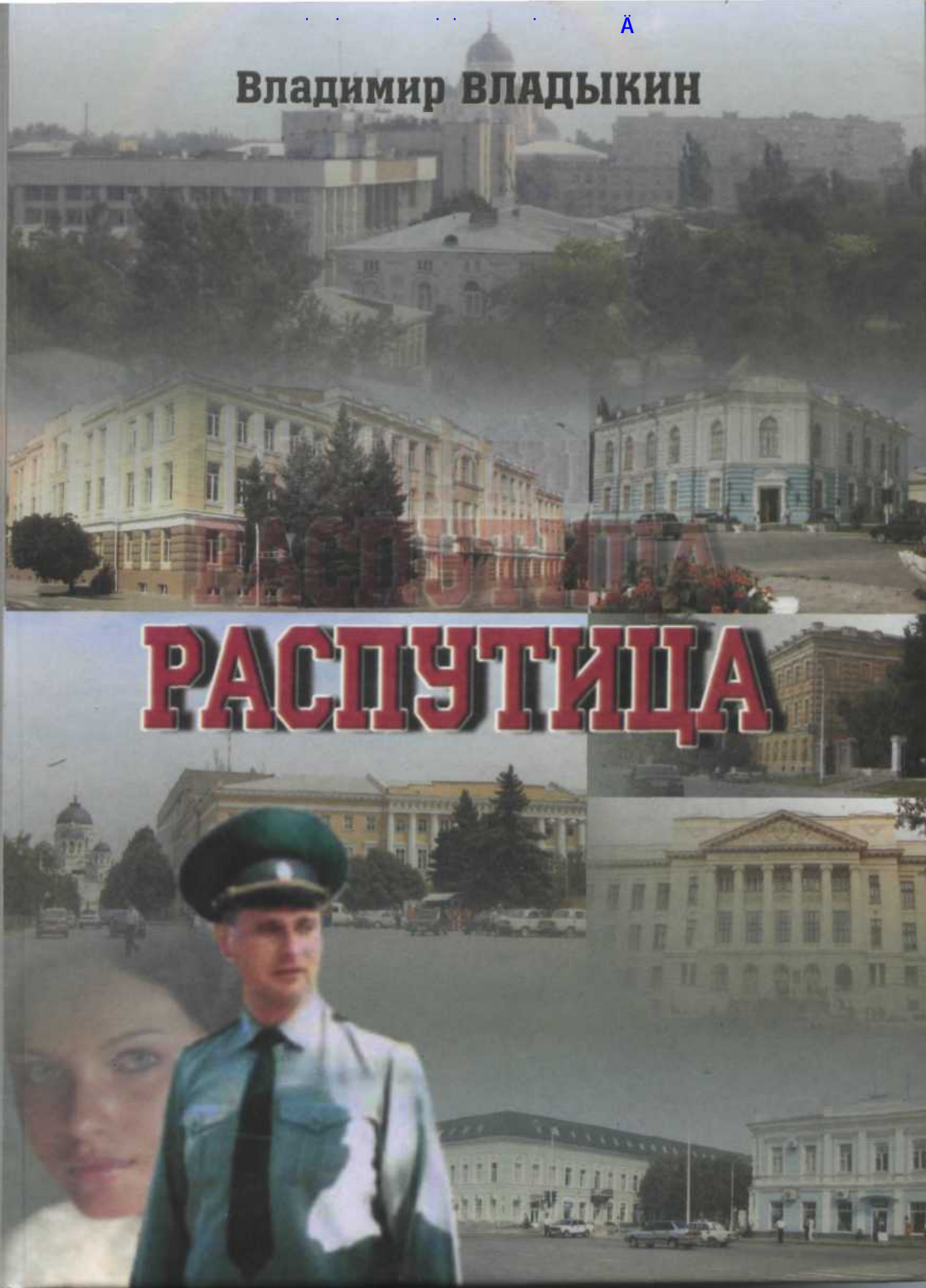

А
Владимир ВЛАДЫКИН

ВЛАДИМИР ВЛАДЫКИН

РАСПУТИЦА

роман
в пяти частях

БРЯНСК

2007 г.

ББК 84(2РОС)
В 57

Владыкин В. А.
В 57 Распутица: Роман. — Брянск, 2007 г. — 448 с: ил.

ББК 84 (2 РОС)

Все права защищены.

Воспроизведение, репродуцирование, искажения текста и другие действия преследуются законом об авторских правах.

В.А.Владыкин — автор, пишущий на остросоциальные темы, изображающий нравы как недалекого прошлого, так и дня сегодняшнего. Он наследует лучшие традиции русской литературы. В творческом багаже писателя десятки романов, повестей, рассказов разных жанров и направлений.

Во второй книге «Распутица», являющейся логическим продолжением романа «Юлия», дана правдивая картина доперестроечных лет. В ней показана асоциальная среда с присущими ей пороками: культ денег, коррупция, вседозволенность, наркомания, порнография, проституция. Особенно они расцвели сегодня, когда отдельная часть молодежи, не имеющая нравственного стержня, нередко подпадает под их пагубное влияние. В первую очередь беззащитными оказываются воспитанники детдомов, которым нелегко найти свое место в обществе; стремясь выжить — часто попадают в криминальную среду, где действуют жестокие законы преступного мира.

Обличительный роман «Распутица» как раз и служит серьезным предостережением от возможных ошибок, чтобы молодые люди правильно ориентировались в житейском море.

Предлагаемая читателям книга может читаться как и вполне самостоятельное произведение.

ISBN 5-900685-21-7

В.А. Владыкин.
Распутица. Роман.
Отпечатано в типографии ООО «Брянское СПР ВОГ».
241011, Россия, г. Брянск, ул. Красноармейская, 15,
телефакс: (4832) 64-91-61

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

О РОМАНЕ В. А. ВЛАДЫКИНА «РАСПУТИЦА»

Когда мне в руки попала первая книга Владимира Владыкина «Юлия», я прочитала ее с удовольствием. Этот роман хорошо издан, книга сделана добротно, а сам автор заслуживает внимания как вполне состоявшийся писатель.

История, рассказанная в книге, наверняка заинтересует и взрослых, и подростков. Автор тонко передает атмосферу детского дома, стремится проникнуть в глубины детской психологии. Главная героиня Юлия — персонаж с непростой и драматической судьбой. Как педагог по образованию я могу судить и об удачном образе директора детдома Тамары Пустоваловой — чутком человеке и педагоге, равнодушном к внутреннему миру своих питомцев. Думается, этот роман придется читателю по душе.

Вслед за первой вышла и вторая книга Владимира Владыкина — «Распутица». Развивая свой писательский талант, автор прибегает к более сложным композиционным решениям. В этом романе продолжается рассказ о дальнейшей судьбе Юлии, которой пришлось перенести немало испытаний. Воспитаннице детского дома нелегко адаптироваться к сложной и противоречивой жизни, найти в ней свою опору. Были и разочарования, и ошибки, последствия которых порой оказывались трагичными...

В новом романе автор исследует кризис современной семьи, которая не скреплена внутренним стержнем взаимопонимания и доверия; кризис современного общества, члены которого подвержены таким порокам, как алчность, жажда легкой наживы, беспринципность, равнодушие к окружающим, эгоизм без оглядки. Асоциальная среда, в которую попадает Юлия, пагубно действует на нее саму, на ее ровесников, которые не могут найти себя в этой жизни.

Тем не менее самое светлое и теплое чувство, которое может испытать женщина, — любовь к собственным детям спасает нашу героиню, вселяет в нее силы и мужество, чтобы противостоять суровой реальности.

В этом романе есть множество удачных сюжетных ходов, поучительных жизненных историй. Основная идея его в том, что ни в коем случае, ни в какой самой сложной ситуации нельзя предавать себя и своих близких.

Заместитель председателя
Брянского городского Совета Н.М. ВИНОГРАДОВА
народных депутатов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МУЖЬЯ И ЖЕНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

До выхода из отпуска на работу оставалось несколько дней. Недавно Юлия Пересветова приехала из Сибири от сына Павлика, и теперь по нему очень скучала. Хотя временами в заботах о своих детях ей мнилось, будто она у него вовсе не была. Но тем не менее невозможно было забыть то, как глубоко на неё подействовала эта поездка. Ведь пять лет не была на могиле любимого мужа. И вот с приходом осени как никогда загрустила, хоть осень сама по себе грустная пора, но нынешняя для Юлии Пересветовой, с первых дней сентября, как-то по-особенному наводила тоску и вызывала острое чувство одиночества, что невольно возникало неодолимое желание встретить такого мужчину, который хотя бы отдалённо напоминал покойного мужа. Но она была не уверена, что ей снова может повезти, хотя ещё несколько лет назад у неё была такая надежда. А когда во втором неудачном браке родила ещё двоих детей, и перестала терпеть забияку и пьяницу мужа, эта надежда быстро развеялась. И теперь Юлия думала, что ей больше никогда не повезёт, и в этом уверилась с того самого дня, как побывала на родине покойного мужа в сибирском городке Исилькуль, где теперь жил её сын Павлик, которого несколько месяцев назад уступила бывшей свекрови Зое Сергеевне. И первые дни после приезда от сына Юле было так невыносимо грустно, что хотелось с младшими детьми уехать туда навсегда, чтобы только быть ближе к Павлику...

За два дня до выхода на работу она даже рассчиталась из детдомовской столовой. И уже было начала собираться в дорогу, но сестра Валентина решительно отговорила, сказав, что Павлику от этого легче не станет, да и Зоя Сергеевна уже никогда не вернёт ей своего внука. Юля расплакалась, Валентина её успокаивала, что у неё должно всё наладиться. Надо только верить в себя и самой строить личную жизнь, не сидеть дома, а бывать на людях. Пришлось смириться с незавидным положением, и после отпуска она уже не вернулась в детдомовскую столовую, а устроилась в кафе «Центральное», которое стояло на проспекте Московском. Теперь она хотела быть на виду у людей, поскольку в детдоме нелегко было работать оттого, что когда-то здесь она сама росла и для неё настолько тут всё знакомо, что не так-то просто выдерживать все детские страдания, которые подчас напоминали ей собственные. Хотя временами Юле казалось, будто всё происходило с ней только вчера. Конечно, в детдоме она работала с удовольствием, так как лично накрывала столы для детей-сирот; втянулась в работу. При ней были и её дети Женя и Варя и, пока она работала, находились с детдомовскими детьми. А потом поняла: нельзя, чтобы они видели, как живут воспитанники детдома, достаточно и того, что в своё время она тут сама пережила. Это её и подстегнуло перейти на новое место, да и самой хотелось забыться от всего прошлого: ведь когда-то из-за этого она покинула родной город и прожила пять лет в Сибири...

Когда уже работала в кафе, она устроила детей в детсад, причём не без помощи директора детдома, которой являлась всё та же Тамара Игнатьевна Пустовалова. Брат Семёна Николай Михайлович, который когда-то ей помогал, вот уже года два как работал в областном центре. Бывший муж Славик Севухин больше не приезжал после того, как Юлия раз и навсегда дала ему понять, что с ним уже никогда не сойдётся, ведь не для того она разводилась. Правда, Славик пытался внушить, а то и утешить её, что с двумя детьми никого не покорит даже своей красотой.

— А мне никто теперь не нужен! — ответила она тогда с долей презрения. — Хватит мне того, что с тобой намучилась. Я поняла: дураку своего ума не вставишь...

И больше с ним не спорила. Он было ушёл, но тут же догнал и, вертясь вокруг неё, стал упрашивать, умолять отдать ему дочь Варю. Она удивилась, подумав, что бывший муж просто не знал, как её разжалобить и потому заговорил о разделе детей. Зачем пьянице нужен ребёнок? Славик напомнил: мол, одного отдала родителям первого мужа, а почему ему, живому, нельзя? Как он мог этим упрекать, да ещё и сравнивать себя с тем, кому он в подмётки не годился, и просила немедленно оставить её в покое. Но Славик не отступал, а потом выпалил — ведь она подаст на алименты, а ему, полуинвалиду, этого не надо. И тогда, полный отчаяния, признался. Оказывается, дочь ему нужна исключительно для того, чтобы можно было не платить алименты, так как дети будут разделены поровну. Но Юлия на это не согласилась, попросила его забыть к ней дорогу навсегда...

Вот уже прошёл месяц, как она работала в кафе, жила на квартире у одинокой старушки Марии Никитичны, потерявшей мужа три года назад. Старая вдова покупала на рынке семечки, жарила их на сковородке, а потом выносила продавать возле гастронома. Свой приработок она объясняла тем, что получала маленькую пенсию, так как почти всю жизнь проработала уборщицей в заводской конторе.

Юле с детьми скучать было некогда. Раз в месяц она писала своей бывшей свекрови и бывшему свекру письма о своей жизни, и отдельно Павлику, по которому она скучала особенно сильно первые дни, даже места себе не находила. А потом стала привыкать. Достанет фотоальбом, с детьми посмотрит фотографии и спрячет в чемодан...

Она вспомнила, что когда-то стояла в очереди на жильё и однажды пошла в горжилуправление. Оказалось, что из списка очередников её вычеркнули, поскольку кто-то сообщил, что она вышла замуж и уехала из города. И Юлии во второй раз пришлось собрать документы, чтобы её поставили на общую очередь на получение квартиры. По списку она была опять почти под двухтысячным номером. А это значит, что своя квартира у нее будет очень не скоро. И сестра, и подруги по работе говорили, что на стройке или заводе жильё получают значительно быстрее. Но к освоению другой профессии у неё не лежала душа, да и на переобучение ушло бы немало времени. И вдобавок не знала, какую выбрать специальность — ведь когда-то мечтала стать медсестрой, а выучилась на повара, вот и всё её образование. Хотя иногда Юлия с сожалением думала: как досадно, что ей не удалось окончить медицинское училище.

Валентина ей снова и снова напоминала поехать на Север: денег заработает, будет жить в общежитии, а потом получит квартиру или вступит в строительный кооператив, а там, гляди, и замуж выйдет.

— Нет, не уговаривай. Кто меня там ждет с двумя детьми? Сама не поехала с Семёном, а меня выталкиваешь, — с долей обиды отвечала Юлия.

— Я тебя не выталкиваю. Я Светке и Игорю говорю то же самое. Одну комнату получил с горем пополам, а теперь неизвестно, когда у них будет полноценная квартира, — она помолчала, глядя на сестру. — В своё время я из-за тебя не поехала, совесть мучила: только нашла сестру и опять бросить?

— Ой, да неужели она сильно тебя мучила? Я же в детдоме росла, а не у тебя, — проговорила Юлия с тайным укором, и давняя обида зашевелилась в душе. Её взгляд посуровел — она больше не хотела выдавать своих неприятных чувств.

— Ты ведь всего не знаешь, а говоришь. Ну что ты за человек! Была же у тебя возможность отхватить квартиру в два счёта, а ты не воспользовалась... — напомнила Валентина, не желая и сейчас признавать свою давнюю вину перед младшей сестрой.

— Неужели ты завидуешь только потому, что до сих пор тебе никто не предлагал посидеть в загородном ресторане? — уколола, смеясь, Юлия.

— Конечно, я же ещё не старая! — засмеялась как-то озорно Валентина.

С того раза Юлия больше не вспомнила председателя райисполкома, предлагавшего ей провести вечер в ресторане. Если бы она хоть чуточку была в него влюблена, тогда бы ни на что не посмотрела, и даже на то, что была не разведена с мужем...

Когда дети играли на улице, она читала книгу или стирала. О Павлике она думала часто, и в такие минуты работа не шла на ум и ей хотелось немедленно сесть в поезд и уехать к нему. Но тут с ней было двое детей, и она не могла этого сделать, поддавшись острой тоске по старшему сыну. Он пошел уже в школу. И пытался сам писать ей письма, в одном просил, чтобы она приехала к нему. Конечно, Юлия не могла тотчас же выполнить его просьбу, но вот как пойдёт в отпуск, обязательно поедет, а пока надо немного подождать.

Иногда у неё всё валилось из рук; однообразная жизнь подчас невыносимо тяготила; о покойном муже старалась не вспоминать, так как тогда подавно наваливалась грусть и одолевали слёзы. Но отсутствие Павлика не давало покоя, душа прямо-таки рвалась к нему, отчего даже дети не отвлекали её. Никогда бы не подумала, что так серо и буднично потекут ее дни. А ведь она еще молодая. В кафе клиенты-мужчины отпускали ей комплименты, некоторые вполне серьезно приглашали в кино или в ресторан. Но из них ни один не заставлял дрогнуть сердце, почти все были неинтересные, неинтеллигентные. Впрочем, некоторые только немного нравились. Всем она отвечала, что с женатыми не связывается. У неё тоже интересовались, замужем ли она. Юлия обычно уходила от прямого ответа и старалась держаться достаточно ровно, достойно. Правда, перед симпатичными мужчинами её тянуло пустить в ход кокетство — испытанное орудие женщин легкого поведения. Но такая репутация претила всей её духовной сущности. А стоило увидеть на руке обручальное колечко, как у нее пропадало это сиюминутное желание.

Так прошло два нелёгких года в её одинокой жизни, отданных исключительно детям...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вот и опять наступил сентябрь. С начала месяца зачастили нудные, продолжительные дожди. На аллее Атаманской росли клёны и каштаны, на которых с каждым днём багровели и желтели листья; кругом становилось всё холодней и скучней. Юлия вела из детсада Женю и несла на руках Варю, которая устала идти своими ножками. Сын вместе с другими детьми бегал по газону и подбирал жёлто-багряные клиновые листья. Женя собрал из самых лучших большой букет, а потом разделил на два: один отдал сестрёнке, а второй с чувством гордости вручил маме. Юлия так была польщена вниманием сына, что не удержалась от похвалы. Мальчик смущённо улыбнулся, посмотрел на детей, которые подбирали каштаны и сказал, что тоже хочет. Юлия позволила, но чтобы недолго. Варя тоже высказала желание побегать по газону среди палой жёлто-багряной листвы, Юлия поставила дочь на мокрый от недавно прошедшего дождя асфальт и Варя не столь уверенно побежала к брату.

По аллее шли прохожие; Юлия, стоя от них в сторонке, любовалась своими детьми и не спешила поторопить сына, хотя очень хотелось, чтобы быстрее идти домой. Но Женя с таким пылким увлечением стал собирать каштаны, что ей ничего не оставалось, как только набраться терпения. Они падали с глухим ударом на газон и с треском на сырой асфальт и мгновенно выскакивали из лопнувшего зелёного панциря и раскатывались тёмно-коричневыми блестящими голышами, как шары по сукну бильярдного стола Женя так увлёкся их сбором, что она не решалась прервать его удовольствие.

Обычно дорогой она обдумывала письмо к старшему сыну и потом почти без запинок писала ему о своей с детьми жизни, что иногда им бывает скучно только из-за того, что им очень не хватает его, Павлика. Вот и сейчас Юлия пыталась мысленно сложить ему

очередное послание, но на душе было беспокойно оттого, что вот уже уходят тёплые дни, а она опять не смогла съездить к нему, поскольку не собрала денег на дальнюю дорогу...

Однако эти однообразные каждодневные прогулки от детсада и яслей ей порой надоедали. Вот если бы был хороший муж, он бы это делал иногда вместо нее. Дома её также ожидал скучный вечер за домашними делами: стирка, ужин, чтение детям книжек, а потом сон. И каждый день одно и то же, даже в кино по выходным не ходила, так как не с кем и не на кого было оставлять детей. В середине сентября Светка и Игорь пригласили её в ресторан якобы отпраздновать чей-то из них день рождения.

— Хватит тебе, тётка, киснуть, — бедово заговорила племянница, — посидим в ресторане, хорошо отдохнем, а то меня уже однообразный быт заел до невозможности.

— А куда я детей дену? — удивилась Юлия, польщенная этим приглашением, ведь до сих пор, когда Светка куда-либо звала ее, ей казалось, что она это делала исключительно из вежливости (чем, правда, племянница не очень блистала). И она, Юлия, не хотела нарушать их семейный суверенитет, да и зачем быть лишней?

— Мать моя посидит или твоя хозяйка, — подсказала та. — Я своего гаврика уже привела к ней.

— Может, она дежурит! Моя бабуля больная лежит, — пояснила Юлия.

— Мама сегодня дома, ты уже забыла к ней дорожку. Она сама мне предложила тебя развезть, а то нам жалко на тебя смотреть, красота твоя вянет в этой дыре...

— Вот как? Красиво, красиво, ничего не скажешь.

Они вышли вместе, Юлия отвела детей к сестре. Светка поехала домой, так как с Игорем они жили в микрорайоне Черемушки, где года четыре назад открылся ресторан «Новостроевск». Пока Юлия мыла голову, пока сушила феном волосы, прошло больше часа. Она надела самое лучшее платье из сиреневого трикотина, сделала причёску, уложив на затылке волосы в локоны, надушила их. Затем надела светло-синий плащ, белые на толстом каблуке туфли, взяла такого же цвета кожаную сумочку на длинном ремешке. И почувствовала себя вполне светской дамой. Юлии ещё не было тридцати лет, но временами ей казалось, что жизненный опыт значительно перевешивал её возраст, а по правде говоря, в жизни она видела мало хорошего, но сейчас этим не хотела огорчаться, так как для нее только все начиналось...

В такой чудесный вечер, наполненный осенними запахами увядающей природы и городской жизнью, Юлия решила ехать на такси — остановила по счастливой случайности на Атаманской улице, где только что загорались электрические фонари с ртутным наполнением сверкающего света, отчего кругом становилось светло как днём. Черный от сырости асфальт поблескивал как-то печально; ярко горели витрины магазинов, хорошо освещая тротуар. Когда Юлия села в салон, таксист с повышенным интересом посмотрел на пассажирку в зеркальце, висевшее под самой крышей машины.

— Мне на улицу Народную, к семейному общежитию, — чётко произнесла молодая женщина.

— Очень хорошо, поехали туда! — непринуждённо ответил водитель, желая завязать разговор с ослепительно красивой пассажиркой. — Вы в гости или там живёте?

— А это моё дело, а ваше — молча вести машину...

— Много езжу, а таких красавиц в нашем городе ещё не видел, — он повернулся к ней, в его серых глазах сосредоточилась единственная мысль: «Ну как, я тебя убедил? Ведь я лучше, чем ты думаешь, со мной тебе будет не скучно...»

— Кто вам поверит? Я советую внимательно смотреть на дорогу, — сказала она, не принимая, однако, его искреннего желания поговорить с молодой женщиной, отчего даже слегка поморщилась, так как понимала то, к чему он склонялся в своих тайных нечистоплотных помыслах

— А что, говорю честно: все мои коллеги, если узреют такую красотку, как вы, так сразу обалдеют! — продолжал таксист приподнято, явно желая понравиться и на что-то дурашливо намекая.

Юлия смотрела в окно, пожалев, что поддержала не в меру разговорчивого таксиста. На его полноватом лице появилось ехидное выражение, нос слегка приподнят кверху и вместе с тем как-то странно чуть-чуть приплюснут. На улице за фонарями чернели дома, деревья и мелькали яркие огни витрин магазинов, машин. Суетливо шли прохожие. Ей стало вдруг жутко оттого, что она оставила детей и вот куда-то ехала в такси. А где-то в Сибири сын Павлик с бабушкой или дедушкой делает уроки, а может, просто играет и сейчас не думает о ней, так как с каждым днём всё больше отвыкает от своей матери, а потом совсем забудет. От одной этой мысли Юлии стало как-то не по себе. И опять с новой силой испытала старую обиду на свекровь за то, что отняла сына и сделала всё, чтобы он как можно скорее выбросил её из головы. Хотя для этого не было никаких оснований, ведь она сильно его любит, больше всех на свете. И оставила у свекрови не ради нее самой, а чтобы сыну было там хорошо, чтобы он не терпел всех тех лишений, которые она испытывала вместе со своими младшими детьми, ютась на квартире, пользуясь чужой мебелью, не имея своего угла. Но, быть может, Павлик страдает там без матери, и эти лишения сильнее тех, которые свалились на неё и его брата и сестру...

Пока она так думала, такси выскочило на широкий проспект Бакланова, где мимо бульвара мчались гуськом автомобили. Там, на западе, еще догорала полоска заката, навевая какую-то грусть; и в этом ало-багряном отблеске зари Юлии виделась какая-то смутная надежда на то, что её личная жизнь с разводом вовсе не закончилась, что ей наконец должно повезти, она обязательно встретит того, кто будет её любить. Хотя в это не очень-то верилось, ведь как-никак у неё двое детей, да и Павлик живёт на стороне. Но вопреки всему она его уже воспринимала как отрезанный ломоть. Ведь Павлуша с ней не живёт, наверное, судьбе было так угодно распорядиться. «Бога забыли, потому кругом у людей всё плохо ладится», — вспомнились слова хозяйки Марии Никитичны, когда услышала её печальную исповедь. Но она же не грешила, чтобы Бог её так жестоко наказал, забрав мужа. А ведь он был самый лучший, а вот погиб. За какие же это грехи?

Юлия не могла во всём этом разобраться и считала, что виновата вовсе не она, а бывшая свекровь сама накаркала беду. Если бы любила её, свою невестку, то ничего бы, возможно, и не случилось...

Такси с проспекта свернуло в переулок, выводивший на Народную. Когда машина остановилась, Юлия расплатилась с таксистом и быстро вышла, словно боялась, что он её не выпустит и она очутится в западне. Такси сердито сорвалось с места и умчалось в ночную даль улицы, как-то злобно и суетливо шелестя шинами по сырому асфальту. Юлия пошла к подъезду семейного пятиэтажного общежития. Светка жила на третьем этаже; эту квартиру они получили год назад.

Игорь был чуть выше жены, с модной стрижкой, сзади волосы доходили до плеч, тогда как спереди коротко подстрижены, и от этого светлое лицо казалось слегка вытянутым, не знавшим солнечного загара, — высокий лоб, светло-голубые глаза, прямой нос. Светка перед трельяжным зеркалом вдевала в уши золотые серёжки; на ней превосходно сидели плотно облегавшие бёдра широкие чёрные брюки-колокола и розовая из атласного шёлка блузка, нежно обтекавшая её крепкий бюст (и отчего, естественно, лоснилась). Длинные светло-золотистого оттенка волосы, аристократически утонченное лицо с большими серо-зелеными глазами, тонкий нос с горбинкой — все эти черты выдавали в ней зазнающуюся красавицу. Сейчас она сильно напоминала Семёна, только брови у неё не как у отца надвинуты на глаза, а подняты и как-то разбегаются к вискам, веки подведены тенями и тушью. От неё пахло редкими дорогими духами.

— Ну вот всё! А теперь можно и на бал! — воскликнула она. — Потрясающая у меня тётка — как картинка, девочка на выданье, талия осиная. Игорёк, только не тебе на неё пялиться... — шутиливо отвернула она голову мужа от неё.

— Думаешь, буду у тебя разрешения спрашивать? — засмеялся тот.

— Ещё как будешь! А вот я тебе по шее вмажу!

— Что ты меня смущаешь? — засмеялась Юлия. — Ехала на такси, водитель приставал, будто женщин век не видел, — весело проговорила она.

— Ну погнали, разбазарилась! — серьёзно бросил Игорь. — Стол там давно накрыт, ждёт нас.

— А у кого же день рождения? — спросила Юлия и трогательно, с лёгким, нежным кокетством засмеялась.

— Да у племянницы твоей. Она Весы, а я Скорпион. Разве мы подходим друг другу?

— На что ты намекаешь? Когда собрались в ресторан, видишь, как он залопотал? — она погрозила ему кулаком. — Моя тётка, между прочим, Скорпион, правда, Юля?

Игорь достал пачку «Мальборо» и неспешно закурил.

— Совсем неумно, — заметила Юлия. — Я в знаки зодиака не верю.

... От общежития до ресторана идти всего минут десять. Гостиница «Новостроевск» была видна даже из окна комнаты. Почти по всей округности площадь освещалась ртутными фонарями, отчего кругом было светло почти как днём. На автобусной остановке собралась большая толпа. Должно быть, в кинотеатре «Космос» закончился кинофильм, и потому на улице царило оживление. Проехал, мерно позванивая, трамвай; без конца сновали легковые автомобили, редко проскакивали грузовики и пассажирские автобусы.

При входе в вестибюль стоял швейцар, на нём была форменная фуражка с кокардой, по бокам широких брюках — широкие жёлтые лампасы. У всех входящих он проверял пригласительные билеты. В городе это был единственный ресторан, куда пропускали по заранее выкупленным билетам. Поэтому каждому желающему попасть сюда было не так-то просто.

Игорь достал билеты по знакомству и теперь чувствовал себя перед женой и свояченицей значительной личностью. Он был в короткой кожаной куртке, в изрядно уже потёртых джинсах и вельветовом батнике. В ресторанном гардеробе молодой мужчина поухаживал за своими спутницами, и вскоре втроем прошли в зал и тотчас попали под взоры разновозрастной ресторанной публики. Особенно на них смотрели мужчины, а женщины лишь в тех случаях, когда замечали, что их кавалеры созерцали Юлию с таким интересом, будто перед ними появилась широко известная актриса. Но она лишь про себя улыбалась и старалась держаться, как ей казалось, с достоинством и непринуждённо, будто была здесь уже неоднократно и привыкла к такому повышенному к себе вниманию мужчин и их подруг. Хотя на самом деле это удавалось ей с трудом, всё здесь было в новинку и донельзя её беспокоило то, что становилась центром притяжения противоположного пола и в такие моменты смущенно опускала глаза.

А ведь действительно, даже без хорошей причёски, её природной красоте можно было позавидовать, к тому же на ней превосходно сидело платье из сиреневого трикотина с короткими рукавами, подчёркивавшее выпукло-упругие груди и все линии пленительно гибкой фигуры, что на неё нельзя было не заглядеться. Так что молодая женщина, совершенно гармоничного сложения, невольно приковывала к себе внимание искушённой публики; на миг это вызывало у неё гордость за себя. Но от сознания того, что её необычная яркая внешность кого-то из женщин могла раздражать и настраивать их против неё, это Юли очень огорчало. К тому же иногда она слышала в кафе замечание посторонних мужчин, что она смотрит диковатым взглядом, какой был свойствен, наверное, только первобытным женщинам, у которых мужчина чужого племени вызывал